

**М. Я. Гринблат**

## **К ПРОИСХОЖДЕНИЮ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ**

(ПО ПОВОДУ ТЕОРИИ СУБСТРАТА)

Изучение проблем этногенеза — одно из основных направлений советской этнографической науки. Над их разработкой этнографы трудятся в тесном содружестве с археологами, антропологами, лингвистами и представителями других родственных дисциплин. В области этногенеза особенно, пожалуй, сказывается плодотворность комплексного, совместного изучения, сила взаимопомощи и взаимобмена результатами научных изысканий в различных отраслях знаний. Каждая новая работа, исследующая сложные вопросы этнической истории любого народа, вызывает неизменный интерес не только у специалистов, но и у широкой общественности. Естественно, что статья В. В. Седова о происхождении белорусов, одного из крупнейших народов Советского Союза<sup>1</sup>, привлекла большое внимание.

Перу В. В. Седова, видного советского археолога, знатока славяно-русских древностей и талантливого исследователя, принадлежит ряд оригинальных трудов о восточнославянских племенах и памятниках их культуры.

По-своему интересна и эта статья В. В. Седова. И все же она вызывает немало серьезных возражений и сомнений.

Основным вопросом в изучении белорусского этногенеза является, по мнению В. В. Седова, «выяснение и анализ тех причин, которые вызвали обособленное языковое и этнографическое развитие верхнеднепровско-двинско-неманской части древнерусской народности» (стр. 112). Но содержание его статьи в действительности оказалось значительно уже. Все «причины» обособления белорусов фактически свелись к одной. В. В. Седов приходит к своеобразному, но одностороннему выводу: первопричиной образования белорусского языка и народности якобы послужил балтийский (по Седову — балтский) субстрат.

Нельзя признать правомерным и сам методологический подход В. В. Седова к решению такой сложной этногенетической задачи, какой является проблема происхождения белорусов. Теоретической основой его концепции этногенеза белорусов послужили аналитические исследования балтийской гидронимии, распространенной на территории Белоруссии, и так называемая теория субстрата в современном языкознании.

После опубликования известного труда В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о гидронимах Белоруссии<sup>2</sup>, положительно оцененного рецензен-

<sup>1</sup> В. В. Седов, К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов), «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 112—129. В дальнейшем при ссылке на статью в скобках указаны страницы.

<sup>2</sup> В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

тами, повысился интерес к балтийской топонимике и балтийской проблематике в целом. Опубликован ряд работ и статей языковедов, дополняющих и продолжающих исследования названных авторов. Это оживление проявилось в усиленных поисках балтийской гидронимии, балтийского лексического наследия и вообще балтийского субстрата на Припяти и ее правобережье, на Украине<sup>3</sup>.

Изучение балтизмов в последние годы заняло заметное место в программах ономастических конференций, посвященных топонимике западной и северо-западной зон СССР. Интересные наблюдения в этой области сделаны и В. В. Седовым, предпринявшим попытки связать топонимику, особенно гидронику, с археологией Верхнего Поднепровья Белоруссии и смежных районов.

Нет сомнения, что балтийская гидронимия Белоруссии и сопредельных областей в известной мере свидетельствует о древнейшем населении этих территорий. Все же гидронимия, особенно если воспринимать ее слишком широко, не может служить достаточным основанием для далеко идущих выводов этногонического характера. Но именно так пытается использовать этот источник В. В. Седов. Он явно переоценивает его значение для изучения этнической истории средневековых народностей, когда ареал балтийской гидронимии, совпадающий с распространением некоторых курганных древностей балтийского происхождения, становится у него ареалом формирования языковых и культурно-бытовых особенностей белорусов. Здесь на сцену выступает теория субстрата, которой В. В. Седов отводит первостепенную роль в своей концепции происхождения белорусов.

Мы убеждены, что теория субстрата в языкознании, наиболее обстоятельно изложенная Б. А. Серебренниковым<sup>4</sup>, не приложима к проблеме этногенеза (особенно когда речь идет о формировании народностей, а не более ранних этнических общностей) так прямолинейно и механически, как это делает В. В. Седов. К проблеме происхождения народности теория субстрата если и может быть применена, то с большой осторожностью. Вполне допустимую в отношении сохранившейся древней гидронимии, или части топонимии, теорию субстрата нельзя принять безоговорочно, когда речь идет о формировании особенностей языка и культуры, т. е. этнической специфики народности.

Видеть причину возникновения языковых и культурных особенностей, отличающих белорусов от русских и украинцев, только в проявлении балтийского субстрата — значит непозволительно упрощать решение проблемы, свести все к действию одного фактора. На деле же вопрос формирования белорусской народности гораздо сложнее и богаче своим внутренним содержанием.

Правомерность перенесения на процесс этногенеза идеи о значении субстрата в появлении характерных черт языка нуждается в серьезной проверке. Известно, что теория субстрата и среди лингвистов не получила всеобщего одобрения, а многие исследования сторонников этой теории, по признанию Б. А. Серебренникова, «скорее напоминают какие-то гадания на картах», потому что нет достаточно достоверных данных об особенностях самого языка-субстрата<sup>5</sup>. Лингвисты считают, что не

<sup>3</sup> См., например, А. П. Непокупный, К изучению балтийского лексического наследия Белорусского Полесья, в кн.: «Беларуская лексікалогія і этымалогія. (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі)», Мінск, 1968, стр. 120—122. «В результате экспедиции 1966 г., — отмечает автор, — удалось установить ареалы и значение двух балтийских лексем — бонда и ловж» (стр. 121).

<sup>4</sup> Б. А. Серебренников, О взаимодействии языков (Проблема субстрата), «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 7—25

<sup>5</sup> Там же, стр. 8.

каждый случай влияния одного языка на другой является следствием воздействия языка-субстрата<sup>6</sup>.

К тому же В. В. Седов видит влияние субстрата лишь в одном направлении, в то время как теория субстрата предполагает результаты взаимовлияния различных языков, а не одностороннее воздействие. Ведь не случайно Б. А. Серебренников назвал свою работу о проблеме субстрата — «О взаимодействии языков». Между тем В. В. Седов, для концепции которого работа Б. А. Серебренникова служит одной из отправных точек, с этим не считается.

По существу В. В. Седов, рассуждая о происхождении белорусов, менее всего касается процесса образования белорусской народности, а стремится доказать влияние балтского субстрата на формирование древнего восточнославянского населения. В его статье речь идет преимущественно об участии «балтского этнического элемента в формировании славянского населения белорусской этнографической территории» (стр. 116) о «верхнеднепровско-двинско-понеманской части восточного славянства», о «той части восточнославянских земель, где позднее сформировалась белорусская этническая общность» (стр. 119) и т. п. Роль балтийского этнического субстрата в формировании древнего славянского населения затем легко переносится В. В. Седовым на белорусов.

Теперь обратимся к главному — к роли балтского субстрата в формировании белорусской народности, к самому, так сказать, стержню концепции этногенеза белорусов, выдвинутой В. В. Седовым.

С нашей точки зрения, при изучении вопросов формирования и развития белорусской народности проблемы балтийского этноязыкового субстрата вообще не существует, по крайней мере она не является существенной, сколько-нибудь значимой.

Допустимо еще в какой-то мере признавать роль балтийского субстрата в появлении некоторых особенностей языка и культуры древнего славянского населения территории будущей Белоруссии. Общеизвестным считается, что восточные славяне формировались как из ранних славянских, так и неславянских племенных элементов. На территории Белоруссии таким компонентом восточных славян неславянского происхождения могли быть прежде всего балты. Дает ли это право говорить об определяющей роли балтийского субстрата в этногенезе белорусов? Ведь те древние восточные славяне, которые расселились по Верхнему Поднепровью и будущей Белоруссии, следует думать, имели уже свой определенно выраженный этнический облик. От балтийских аборигенов они могли усвоить лишь некоторые дополнительные, новые черты, но не могли изменить своей этнической природы-первоосновы. Об этом свидетельствует факт постепенной ассимиляции первоначального балтийского населения славянами, а не наоборот.

Далее, не следует забывать того, что западная часть восточных славян с присущими им культурно-языковыми характерными чертами прежде чем стать белорусами прошла стадию древнерусской народности вместе с остальным восточнославянским населением. Эту особенность этногенеза восточнославянских народностей — русских, украинцев и белорусов — В. В. Седов также не подчеркивает. И это понятно: она не согласуется с его концепцией балтийского субстрата в происхождении белорусов. Ведь во время существования древнерусской народности, формирование которой должно было сопровождаться консолидацией восточного славянства, предполагаемый балтийский субстрат должен был как-то «преломиться». Какие-то субстратные элементы могли сохраниться в

<sup>6</sup> Б. А. Серебренников, Указ. раб., стр. 10.

своем первоначальном виде, другие — приобрести иной колорит, третьи — исчезнуть.

А позднее, в период формирования белорусов как отдельной народности, от субстратных элементов древних балтийских племен могло и следа не остаться. Здесь у белорусов существовали уже взаимоотношения не просто с балтами, а усиливались контакты с более конкретными этнографическими группами — аукштайтами, жемайтами, латгальцами, а вернее — с литовцами, латышами и в не меньшей мере с поляками, не говоря уже о непрекращающихся связях с одновременно складывающимися русской и украинской народностями.

И если уж говорить о «субстрате» и его роли в формировании белорусов, то искать его следует не у древних балтов, а в древнерусской народности, вобравшей в себя основные и все наиболее характерные черты восточных славян.

Ведь когда изучаешь язык, материальную и духовную культуру белорусской народности XIV—XVIII вв., то прежде всего ощущаешь их древнюю славянскую основу, их глубинные мощные корни, уходящие к древнерусской общности. И это несмотря на все испытания, выпавшие на долю белорусов, — войны, нашествия, разорения. Мы не исключаем, разумеется, и влияния соседних народностей, их языков и культур, упорные попытки насильственной денационализации белорусов (Брестская уния 1596 г., деятельность католической церкви и иезуитов во времена Речи Посполитой).

Теперь станем на точку зрения В. В. Седова, предположим, что он прав в своем утверждении о якобы решающей роли балтийского субстрата в формировании «белорусской этнолингвистической общности». Какова же его аргументация?

Подтверждения, находимые им в археологических материалах: 1) головные венки латгальского типа — вайнаги, шейные гривны латгальских типов и некоторые другие украшения. Эти, по мнению В. В. Седова, наиболее ранние балтийские элементы «обнаруживаются» в ряде длинных курганов смоленско-полоцких кривичей; 2) браслеты со змееголовыми концами, находимые в древнерусских курганах и связываемые с бытованием у балтийских племен змеиного культа; 3) немногочисленные спиральные браслеты, широко известные в прибалтийских памятниках; 4) якобы также балтийские по происхождению подковообразные застегивки как деталь восточнославянского костюма; 5) курганы с труположением на кострищах, которые, «очень возможно», также являются пережитком погребальной обрядности дославянского балтийского населения (стр. 116—119).

Оказывается, этих отдельных археологических деталей при сопоставлении их с этнографической картой белорусов (по Карскому) и с распространением балтийской гидронимии достаточно, чтобы утверждать, что «в формировании белорусов бесспорная роль принадлежит балтскому этническому субстрату» (стр. 119).

А не проще и не логичнее ли видеть в этом свидетельство совместно проживания восточных славян, древнерусского населения с балтами? Предметы или следы погребального обряда балтийского происхождения могли ведь быть обнаружены и в захоронениях ославяненных балтов, длительное время сохранявших еще какие-то свои этнические традиции. В отношении древнерусских курганных погребений с восточной ориентировкой В. В. Седов сам признает, что они принадлежат «главным образом» славянизированным балтам (об этом, собственно, свидетельствует и приведенная им карта № 3). Почему того же нельзя допустить в отношении древнерусских курганов с инвентарем частично балтийского про-

исхождения? А если в чисто древнерусских захоронениях найдены отдельные предметы, заимствованные у балтов, то почему именно эти предметы сыграли такую важную роль в формировании белорусов?

В быту и культуре белорусской народности этнограф не обнаружит никакого отражения балтийских «субстратных элементов», так тщательно подобранных В. В. Седовым среди археологического материала, — они не оставили там никаких следов. Латгальский венок («vainags»), например, не явился прототипом какого-либо белорусского голозного убора. Девичьи головные уборы в виде украшенного налобника (белор. «шырынка»), оставляющие неприкрытыми волосы на макушке, известны не только всем славянам и прибалтам, но и многим другим народам. Ничем не проявили себя в традиционном костюме белорусов и другие отмеченные В. В. Седовым украшения балтийского происхождения. О «специфически» балтийском культе змеи в связи с находками браслетов со змееголовыми концами я скажу несколько ниже, так как этот культ фигурирует у В. В. Седова и среди этнографических доказательств балтийского субстрата у белорусов.

Археологические доводы, приводимые В. В. Седовым, говорят только об одном, о том, что восточнославянское население в процессе своего формирования в древнерусскую народность вобрало в себя часть балтийских этнических элементов, постепенно ассимилировав их. Это положение считается общепризнанным в советской исторической науке и уже не вызывает серьезных возражений не только в отношении балтийских, но и иных этнических компонентов древнерусской народности. Но это все же не имеет прямого отношения к проблеме белорусского этногенеза в такой плоскости, в какой это пытается представить В. В. Седов. Вовлечение балтоязычных племенных элементов в этногенетический процесс, совершавшийся в недрах древнерусской народности, не дает оснований для утверждений о важной роли балтского субстрата в формировании белорусов. Последнее совершалось в иное, более позднее время, в других исторических условиях и под воздействием более сложных факторов, не только этнических, но и социально-экономических, политических, роль которых В. В. Седовым явно недооценивается.

Использование других исторических источников, привлекаемых В. В. Седовым для подкрепления своей концепции, только увеличило число фактов, не всегда убедительных, но не изменило сути вопроса. Так, весьма малую помощь оказали ему данные палеоантропологии, на которые так рассчитывал автор. Они подтвердили лишь выводы, вытекающие из археологических материалов. Причем сформулированы они здесь верно: «Антропология вслед за археологией дает основание считать, что славянское население Верхнего Поднепровья и территории Белоруссии сложилось в значительной степени за счет ассимиляции местных балтов» (стр. 123). Такое утверждение, как уже отмечалось, не вызывает возражений (можно лишь усомниться в правильном определении «степени»). Но опять-таки, от древних славян и балтов к белорусам дистанция слишком велика, и поэтому роль «балтского субстрата» в образовании этнической специфики белорусской народности более чем сомнительна.

Славянское население Верхнего Поднепровья и будущей Белоруссии, которое составило часть древнерусской народности, имело, как и другие народности, смешанный этнический и антропологический состав. Палеоантропологические, так же как и археологические находки свидетельствуют о том, что местное аборигенное население не было оттеснено славянами, но ассимилировано ими. При этом следует иметь в виду, что расовые (антропологические) черты надолго переживают этноязы-

ковые особенности, которые зачастую почти полностью исчезают в процессе ассимиляции. Поэтому данные антропологии, служащие доказательством одного из древних компонентов народности, не могут в то же время выдвигаться в качестве довода в пользу идеи субстрата, проявление которого должно сказаться прежде всего в области языка и особенностей культуры. В древнерусской народности возобладали славянские элементы, о чем говорит хотя бы славянская культура древних русских городов IX—XIII вв., исследованных белорусскими археологами.

Наиболее неубедителен подбор «субстратных элементов» из области этнографии.

Начнем с культового почитания змей. В. В. Седов считает змеиный культ особо характерным для всех балтских племен, а из восточнославянских народностей распространенным якобы только у белорусов (стр. 123). Отсюда тот же упорно повторяемый им вывод: субстратный элемент. Это явное заблуждение. Почитание змей с древнейших времен распространено у многих народов мира, особенно везде, где водятся змеи и представляют реальную опасность для человека. Думаю, что славянам незачем было заимствовать культ змей у балтов, змеи были и в тех местах, откуда славяне расселились по территории Белоруссии — и в Полесье, и в Среднем Поднепровье и т. д. Достаточно вспомнить хотя бы летописное предание под годом 912 о смерти Олега, ужаленного змеей в ногу.

Со змеями, так же как и с волками, особенно опасными для сельского жителя, связано множество поверий (оборотничество, «ваўкалякі»), не только у белорусов, но и у всех восточных славян. С. А. Токарев, ссылаясь на Н. Ф. Сумцова, отмечает наибольшее распространение поверий о змеях у украинцев, на юге<sup>7</sup>. Можно указать еще на многочисленные русские, украинские и белорусские сказки о борьбе со змеями, на былинного и сказочного Змея-Горыныча и т. п. А вообще-то змеиного культа в строгом смысле этого слова у белорусов и не было, существовали лишь отдельные поверья, связанные со змеями. В специальном исследовании Н. М. Никольского о животных в белорусских народных верованиях и обрядах змеи занимают весьма скудное место<sup>8</sup>. Если говорить о змеином культе как таковом, то некоторые элементы его можно обнаружить лишь в отношении к ужу — здесь действительно заметно известное почитание. Считали, что уж, поселившийся в избе, приносит счастье, становится как бы покровителем семьи. Но подобные поверья опять-таки известны не только у белорусов и литовцев, но у всех восточных славян и у поляков<sup>9</sup>.

Таким образом, основной этнографический довод В. В. Седова — почитание змей, существовавшее якобы исключительно у древних балтов, а от них воспринятое белорусами, — беспочвенный.

Так же необоснованно выставлены в качестве доказательств «балтского субстрата» и другие этнографические явления, общие для белорусов и соседних балтийских народов. Из подобных общих черт В. В. Седов выделяет некоторые элементы одежды и в первую очередь «белорусский» тип лаптей, совершенно неоправданно заключив его в кавычки. Он серьезно считает, что этот древний тип плетеной обуви — изобретение восточнобалтийских племен, «от которых он перешел к белорусам, восточным литовцам и латышам» (стр. 125). Известно, что белорусский ло-

<sup>7</sup> С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., М.—Л., 1957, стр. 52.

<sup>8</sup> См. Н. М. Нікольскі, Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераннях беларускага сялянства, Мінск, 1933.

<sup>9</sup> С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 52.

зовый или лыковый лапоть, боковые стороны и носок которого огибают редкие петли, наиболее приспособлен к болотистой и сырой местности, из него легко вытекает вода. И вполне естественно, что такой рациональный и универсальный тип обуви мог и должен был возникнуть прежде всего у насельников болот. Наиболее вероятной родиной так называемого белорусского лаптя следует поэтому считать ту первозданную «дрегвú», обширную полесскую низменность, которая была одной из древнейших областей обитания славян и формирования племенного объединения дреговичей. Приноравливаясь к местной географической среде, насельники редких песчаных островов-грудов, разбросанных среди бескрайних болот и лесов, и создали нужный им тип обуви из материала, который дарила сама природа. Поэтому нам думается, что, осваивая новые земли, расселяясь дальше на запад и север, дреговичи-полешуки вышагивали длинные версты в «своих» лаптях. Недаром и название-то обуви славянское, древнерусское — лапоть, т. е. предмет, облегающий ступню (лапу)<sup>10</sup>. При этом не следует забывать, что у балтов лапти были распространены только в Восточной Литве — Аукштайнии, в то время как для Жемайтии более характерны деревянные башмаки — «klumpes»<sup>11</sup>. Еще в совсем недавнее время старожилы Полесья считали белорусский лапоть наиболее пригодной рабочей обувью для болотных сенокосов, часто отдавая ему предпочтение даже перед высокими резиновыми бахилами.

Ошибочно и предположение о субстратном происхождении у белорусов женской несшитой поясной одежды из клетчатой ткани и женского головного убора — «наметки» (стр. 125).

Несшитая или не полностью сшитая женская одежда была распространена не только у литовцев и белорусов, но еще более широко бытовала у украинцев и южных великорусов. Известна она и другим славянским, летто-литовским и некоторым западнофинским народам. Несшитая поясная одежда, далеким предком которой был обычный кусок ткани, относится к древней женской одежде восточных славян. Она издавна известна у них под названиями «плахты», «понёвы», «запаски», некогда означавших просто кусок ткани, преимущественно цветной. В западных районах Брестской области Белорусской ССР и у белорусов Белостокского воеводства в Польше плахтой и теперь называют пеструю домотканину. Г. С. Маслова, знаток русской, украинской и белорусской одежды, подчеркивает: «Следует считать одежду типа поневы — плахты — запаски общевосточнославянской»<sup>12</sup>.

В. В. Седов утверждает, что этот тип одежды вместе с наметкой «строго ограничены древним балтским ареалом» (стр. 125). Но неужели древний балтский ареал достигал районов Рязани, Курска, Харькова, где несшитая поясная женская одежда была особенно распространена?<sup>13</sup> Необоснованность подобного утверждения очевидна.

Древнейшим головным убором замужней женщины у восточных славян был полотенчатый головной убор, называемый у белорусов «наметка», а на Украине — «намітка». Известен он также у западных и южных славян (польское — «pamiot», болгарское — «обметка»)<sup>14</sup>. Название головного убора, подчеркивающее способ его ношения (наметывание), не вызывает сомнений в его славянском происхождении. В Прибалтике же

<sup>10</sup> У прибалтийских народов эта обувь имеет совершенно иные названия: у литовцев — «vyžos», у латышей — «vīze».

<sup>11</sup> «Lietuvių etnografijos bruožai», Vilnius, 1964, s. 378—380.

<sup>12</sup> Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в., «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 635.

<sup>13</sup> См. карту в указ. работе Г. С. Масловой, рис. 41.

<sup>14</sup> Г. С. Маслова, Указ. раб., стр. 660—662; см. там же карту (рис. 60).

наметка была распространена в восточных и юго-восточных районах Литвы и на востоке Латвии (в Латгалии), в непосредственном соседстве с белорусами, и называлась она тем же славянским словом: у литовцев — «puometas», у латгальцев — «numets». Вывод напрашивается сам. И не в пользу теории субстрата.

Нельзя согласиться и с остальными аргументами этнографического характера, выдвигаемыми В. В. Седовым. Оказывается, столбовая техника возведения стен также «бесспорно» ведет свое начало от «древних балтийских племен», ибо она известна по их поселениям раннего железного века (стр. 125). И вновь в качестве доказательства — «древний балтский ареал», которым якобы ограничено распространение столбовой строительной техники в лесной полосе восточнославянской территории. Но ведь эта древнейшая техника возведения стен была известна ранним славянам и на других территориях, в частности в Польше, а что касается восточных славян, то она применялась и великорусами, а на Украине широко использовалась даже в строительстве жилища. «Хаты, выстроенные из дерева с применением закладной техники, — указывает Е. Э. Бломквист, — распространены полосой через всю Украину, южнее области бытования сруба, от Львова и до Дона»<sup>15</sup>. Что касается широкого бытования этой техники у белорусов при возведении хозяйственных построек, то, во-первых, она называется не «с шулой», а «у шу́лы» (к тому же «шу́ла» не просто столб, а столб с двумя пазами); во-вторых, происхождение белорусского «шула» от литовского «šūlas» не бесспорно. А Брюкнер, например, выводит известное и долякам «шуло» из нем. «Säule» — столб и уверен, что «Литва свое шулас от нас заимствовала, а не наоборот»<sup>16</sup>.

Странно воспринимается также утверждение о балтийском происхождении белорусского термина «сядзіба» — усадьба: от лит. «sodyba». Белор. «сядзіба», «сяліба» или «сэлішча», так же как русск. «усадьба», укр. «садиба», польск. «siedziba», «siedlisko» принадлежит к огромному гнездовью славянских слов с корнями -сед, -сад, -сел и т. п. (село, седло, оседлость, непоседа, засада, осада, наседка, заседание, белор. пасяджэнне и мн. др.), производных от глагола «сидеть». Где же основание считать белор. «сядзіба», а значит и укр. «садиба» и польск. «siedziba» терминами балтийского происхождения? Слишком уже явственно выступает искусственное пристегивание исконно славянских слов к балтизмам да еще субстратного происхождения.

Белорусское название амбара для хранения зерна — «свіран» — литовского происхождения, но отнюдь не субстратный элемент в языке, а результат позднейших культурных взаимосвязей. Об этом свидетельствует не только само назначение этой хозяйственной постройки, но и географическое распространение термина «свіран» у белорусов. Прежде всего следует отметить почти повсеместное бытование в Белоруссии (кроме крайних западных районов) общеславянского названия хранилища для зерна — «клець», рядом с ним в восточных областях Белорусской ССР широко распространено русское «амбар» (тюркского происхождения), а названия «свіран», «свёран», «свірѡнак» преобладают лишь в северо-западных и западных районах Белоруссии, т. е. вблизи соседних литовцев и поляков<sup>17</sup>. Характерно, что в литовском языке наряду со сло-

<sup>15</sup> Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 84 (на эту же страницу ссылается в своей статье и В. В. Седов, но оставляет без внимания процитированное нами выше).

<sup>16</sup> A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957, s. 557.

<sup>17</sup> «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карта 239.

вом «svirnas» широко бытует славянское «kletis»; в словарях литовского языка русское «амбар» переводится прежде всего «kletis», вторым словом дано «svirnas»<sup>18</sup>.

При ближайшем рассмотрении этнографических данных, выдвинутых В. В. Седовым в качестве доказательств балтийского субстрата у белорусов, никаких «субстратных» следов обнаружить в них не удалось. Все эти этнографические явления или далеко выходят за пределы «балтского ареала», или являются результатом взаимного культурного общения белорусов с литовцами.

Остается сказать несколько слов о так называемом «культе камня в Белоруссии», также объявленном субстратным элементом. Почитание камней, по-видимому, действительно восходит к религиозным верованиям дославянского, балтийского населения и могло быть воспринято от него славянами-пришельцами. Однако поверья, связанные с камнями, но отнюдь не культ, у белорусов занимали весьма незначительное место среди их древних религиозно-магических представлений, к тому же они имели локальный характер. Поверья о камнях бытовали преимущественно на севере и северо-западе Белоруссии, в районах с моренным ландшафтом, характеризующимся обилием камней, — завалуненностью почв и подпочвенного пласта.

Одним из наиболее серьезных вопросов, связанных с проблемой этногенеза белорусов, как и любой другой народности, является формирование языка и его особенностей. В. В. Седов пытается решить и этот вопрос, уверяя, что владеет данными «для предположения о формировании белорусского языка под воздействием балтского языкового субстрата» (стр. 126).

Какие же это данные? Это в основном не всегда оправданные ссылки на некоторые работы лингвистов. Так, В. В. Седов ссылается на статью Е. Ф. Карского в «Русском филологическом вестнике» (т. XLIX, 1903), в которой идет речь о белорусских заимствованиях из литовского и латышского языков, причем заимствованиях не столь значительных. В этом уже усматривается «эффективное балтское влияние на белорусский язык» (стр. 126), которое якобы может служить доказательством балтского субстрата.

Второй пример — ссылка на работу Я. Отрембского «Участие ятвягов в формировании польского языка» («Acta Baltico-Slavica», 1, Białystok, 1964). И хотя польский ученый касается здесь влияния языка древних ятвягов только на соседние восточные говоры польского языка в области фонетики (изменения носогласных, мазуженье и др.), этого также достаточно, чтобы сразу подчеркнуть «существенную роль балтского субстрата» в истории польского языка (стр. 126).

Странно выглядит то, что рядом с именами ученых, пользующихся заслуженным авторитетом и уважением, всплыло имя буржуазного националиста Я. Станкевича, который «видит балтское субстратное влияние в формах «міргачі», «пырхачі» и в других белорусских словах» (стр. 127).

Неубедительны и противоречивы утверждения В. В. Седова о происхождении важнейшей особенности белорусского языка — аканья. Он признает, что вопрос о происхождении аканья в восточнославянских языках еще не решен лингвистами, высказывающимися за независимое либо субстратное его возникновение. Это не помешало, однако, решительно заявить, со ссылкой на В. И. Борковского и П. С. Кузнецова, что «остается несомненным» зарождение аканья где-то на юго-востоке вос-

<sup>18</sup> См. Х. Лемхенас, Русско-литовский словарь, Каунас, 1949, стр. 5.

точнославянского ареала, откуда оно пришло и на белорусские земли. Но и здесь не обошлось без балтского субстрата. Под его воздействием, оказывается, аканье распространилось в белорусском языке. Интересно узнать, под воздействием какого субстрата возникло и распространилось аканье в русских говорах? Попытка сопоставления двух типов белорусского аканья с ареалами археологических культур (штрихованной керамики; днепро-двинской и юхновской) искусственна и не может объяснить развития этих разновидностей аканья.

В то же время не упомянуты весьма важные выводы Р. И. Аванесова о путях развития белорусского аканья — о первоначальном развитии диссимилятивного типа на востоке и позднейшем возникновении недиссимилятивного аканья на основе оканья по мере продвижения на запад<sup>19</sup>.

Совершенно обойдены также новейшие изыскания белорусских языковедов в этой области. Уже в коллективном труде по истории белорусского языка (1947 г.) ученые пришли к выводу, что «для начального периода складывания белорусской народности» аканье как диссимилятивное «бесспорно имело место в северо-восточной Белоруссии»<sup>20</sup>.

К важным выводам о возникновении недиссимилятивного аканья на основе оканья пришел Н. Т. Войтович в результате изучения белорусских говоров. Причем белорусский диалектный материал убедительно свидетельствует об относительно позднем развитии недиссимилятивного аканья в сравнении с диссимилятивным аканьем, корни которого тянутся к южновеликорусским говорам. Н. Т. Войтович не видит возможности сопоставления территории белорусского аканья с территорией балтского субстрата, «так как границы недиссимилятивного аканья как явления относительно позднего не могут непосредственно сопоставляться с границами доисторической литовской территории»<sup>21</sup>.

Относительно происхождения других важных особенностей белорусского языка — дзеканья, цеканья и твердого «р» — В. В. Седов высказывает все ту же «догадку» об их зависимости от балтоязычного ареала. В качестве дополнительного аргумента в пользу субстратного происхождения дзеканья он ссылается еще на «дзуканье» как аналогичную черту, известную в юго-восточном говоре литовского языка.

Сомневаясь в правомерности введения термина «дзуканье», должен отметить, что сами дзуки, жители этнографической области Литвы — Дзукии на среднем Немане, приобрели свои характерные бытовые и диалектные особенности не без заметного влияния соседних белорусов. Этническим дзуки, вероятно, и возник от белорусского дзеканья, которое вместе с цеканьем усвоил говор дзуков, например: «dzievas» вместо «devas» (бор), «žodzis» вместо «žodis» (слово), «žalcis» вместо «zaltys» (уж) и т. п.<sup>22</sup> Белорусское влияние сказалось и в лексике дзуков («abieda» — белор. «абед», лит. «pietus»; «viešaga» — белор. «вячэра», лит. «vakarienė»; «kruoras» — белор. «крупнік», лит. «sriuba» и т. п.), и в ряде общих с белорусами чертах быта и материальной культуры<sup>23</sup>. Ряд традиционных черт быта и культуры Дзукии, близких белорусским, отмечают и современные советские исследователи. Так, в Литве только в Дзукии исполнялись песни, приуроченные к рождественскому посту и принадлежащие к специфическим чертам белорусской календарно-об-

<sup>19</sup> Р. И. Аванесов, Лингвистическая география и история русского языка, «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 37, 39, 40; его же, Группы диалекта белорусской мовы. В кн.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», Минск, 1964, стр. 396—403.

<sup>20</sup> «Нарысы па гісторыі беларускай мовы», Мінск, 1957, стр. 15, 67, 71—77.

<sup>21</sup> Н. Т. Войтович, Безударный вокализм народных говоров Белоруссии, Автореферат докторской диссертации, Минск, 1966, стр. 54—55.

<sup>22</sup> J. R a d z i u k i n a s, Dzuki, «Wisła», t. XIV, 1900, z. I, s. 42.

<sup>23</sup> Там же.

рядовой поэзии («піліпаўскія» песни), в Дзукии во время великого поста пелись баллады, сюжеты которых особенно широко известны в белорусском и славянском фольклоре<sup>24</sup>. Число подобных примеров может быть значительно увеличено.

Так что указание на «дзуканье», как доказательство балтийского субстрата в белорусском дзеканье, также лишено оснований.

\* \* \*

В итоге можно совершенно уверенно констатировать, что взгляд на происхождение белорусской народности под влиянием балтийского субстрата, изложенный В. В. Седовым в специальной статье, нельзя признать правильным. Вся его аргументация при детальном рассмотрении оказалась неубедительной. А главное, его исходные позиции и сам подход к решению проблемы этногенеза белорусов следует считать методологически неверными.

Так решать проблему происхождения белорусской народности, как это делает В. В. Седов, нельзя. Все происходит у него предельно просто: белорусы сформировались в отдельную народность под воздействием балтийского субстрата, определившего ее языковые и культурно-бытовые отличительные черты. И сам-то субстрат обнаруживается легко, по заранее установленному признаку: субстрат — во всем том, что не выходит за ареал балтийской гидронимии и что свойственно только балтам и белорусам. Однако на поверку оказалось, что большинство «субстратных элементов» найдено и вдали от «балтского ареала» и известно остальным восточнославянским и другим народам. Несмотря на это, по каждому мельчайшему этнографическому или иному явлению упорно повторяется утверждение о его балтийско-субстратном происхождении. Нет надобности доказывать, что подобные механистические сопоставления противоречат логике исторического развития и закономерностям этногонических процессов, предусматривающих прежде всего консолидацию родственных и частично иноязычных этнических компонентов и разносторонние внутренние и внешние связи.

Ведь что такое субстрат? В прямом значении это — следы ассимилированного языка в составе языка-«победителя». Мы допускаем возможность обнаружения отдельных балтийско-субстратных явлений и в языке, и в культуре белорусской народности. Но они никак не в состоянии определить этническую специфику белорусов.

В. В. Седов считает, что «сложение белорусов» происходило в XIII—XIV вв. (стр. 120); в другом месте он пишет, что в течение этих столетий уже «сложилась белорусская этнолингвистическая единица» (стр. 126). Но в XIII в. еще в значительной степени сохранялась дрегнерусская общность, а XIV в. был лишь начальным этапом складывания белорусской народности, формирование и дальнейшее развитие которой протекало и в последующие века. Своей полной зрелости белорусская народность достигла к концу XV — началу XVI в., когда уже сформировалась ее языковая общность, обеспечившая возникновение белорусского литературного языка. Его ранними памятниками являются издания Ф. Скарины. В последующие XVII—XVIII вв. белорусская народность предлагала развиваться.

Важнейшие черты хозяйственного и общественного быта белорусов, так же как и основные особенности их материальной культуры, духовной

<sup>24</sup> См. С. С. Скродянис, Литовский календарно-обрядовый фольклор, Автореферат кандидатской диссертации, Вильнюс, 1968, стр. 6, 10.

жизни, обрядов и обычаев, народного творчества, складывались в период формирования, вызревания и дальнейшего развития белорусской народности одновременно с развитием общенародного языка. Сохраняя значительную общность, близость и органическую связь с культурой русских и украинцев, этнические особенности белорусов именно на стадии народности стали более устойчивыми и приобрели свой самобытный характер.

Здесь следует уточнить наше понимание самобытности культуры. Как известно, «самобытная» история развития России, например, служила основой идеалистического учения славянофилов, многих народников. «Самобытный» путь развития белорусского народа и его культуры был и остается стержнем исторических «концепций» буржуазных националистов. Все они утверждают самобытность как целиком самостоятельный путь, обособленный от исторического развития других народов, свободный от посторонних влияний, неповторимый, ни на какой другой совершенно не похожий.

Ничего более ошибочного в понимании самобытности нет, если речь идет о культуре народа. Невозможно представить себе культуру какого бы то ни было народа, которая складывалась и на протяжении всей истории развивалась изолированно, вне взаимосвязей, а значит, и вне взаимовоздействий культур соседних и нередко даже географически отдаленных народов. В таком именно смысле самобытной культуры не существует.

Самобытность культуры следует понимать как проявление отличительных черт, рожденных и вытекающих из совокупности этнических, социально-экономических, физико-географических, эстетических и других особенностей и условий жизни народа. При этом черты общности в культуре соседних или близких народов, складывающихся в одинаковых условиях, при одном уровне развития производительных сил, а также в процессе взаимовлияния и взаимообогащения культур не мешают созданию самобытности, своеобразия культуры. Самобытность культуры не исключает элементов соседних влияний, которые обычно творчески преломляются в местной этнической среде.

Так следует подходить и к складыванию этнического своеобразия белорусов в противовес теории балтийского субстрата, якобы самосильно предопределившего эту самобытность.

Своеобразие этнографическому облику белорусской народности феодальной эпохи в значительной мере придала уже древнерусская этноязыковая общность. Последняя, как известно, явилась единым корнем, давшим ростки также русской и украинской народностям. Однако в силу разных исторических причин древнерусские славянские черты языка и культуры и, возможно, даже отголоски былых племенных особенностей, отразившиеся в локальных различиях, более выразительно отложились и лучше сохранились именно у белорусов. Эта особенность заметно проявлялась на протяжении всего времени существования белорусской народности. Новые специфические черты языка, быта и культуры белорусской народности возникли в процессе ее формирования и созревания в конкретных исторических условиях; часть этих черт приобрела некоторые свои свойства от соприкосновения с соседними народностями, с которыми белорусы постоянно общались.

В этнической истории белорусов известное место безусловно принадлежало литовцам<sup>25</sup>. Хорошо знакома та роль, которую играли белорусский язык и белорусская культура в Великом княжестве Литовском.

<sup>25</sup> См. М. Я. Гринблат, К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. В кн.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959, стр. 523—543.

Естественно, что многовековые связи и близкое соседство с литовцами не могли не сказаться и в обратных влияниях. Но это далеко не то же, что балтийский субстрат. В. В. Седов относит завершение славянизации балтийского населения территории будущей Белоруссии, по археологическим данным, к первым векам II тысячелетия н. э. (стр. 128). Таким образом, балтийские субстратные элементы должны были постепенно затухнуть, и в белорусскую народность могли перейти только их еле заметные следы. Однако славянизация балтов продолжалась и во время существования белорусской народности, но уже в более конкретной форме обелорусивания литовцев, которое в отдельных местах наблюдалось еще в начале XIX в. Отсюда топонимия литовского происхождения, до сих пор относительно компактно сохранившаяся в северо-западных районах Белорусской ССР, распространение литовских фамилий у белорусов в тех же районах, литуанизмы в белорусском языке и т. п. Что касается литуанизмов, то в языке белорусов они сравнительно немногочисленны. Исследователь лексики языка белорусской народности И. И. Чертко установил, например, что в словарном составе старобелорусского языка XIV—XVII вв. литуанизмы по своему количеству заметно уступают полонизмам и даже германизмам, которые в значительной части также являются полонизмами, поскольку они проникли в белорусский язык преимущественно из польского<sup>26</sup>.

Кстати, отметим, что в этнической истории белорусов, быть может, более заметное место занимало взаимодействие с западным соседом — поляками, обстоятельство, требующее специального исследования. Одно лишь следует здесь подчеркнуть: уровень развития культуры белорусской народности в XVI—XVIII вв., по-видимому, был достаточно высоким, чтобы устоять даже перед настойчивым стремлением польских феодалов насильно навязать белорусам свой язык и ополячить их.

Белорусы, со своей стороны, оказывали влияние на своих соседей. У литовцев белорусское влияние на язык, обряды, фольклор, ономастику и т. п. наиболее заметно в восточных районах Литвы, смежных с Белоруссией. Связи с белорусским языком отчетливо обнаруживаются в восточнолитовских говорах<sup>27</sup> и, как уже упоминалось, в говоре дзуков. Связи с белорусами весьма заметны и в календарной поэзии<sup>28</sup>, в обычае колядования, молочном обряде. Живые песни, которые также известны только на востоке Литвы, в мелодическом и текстовом отношении ничем не отличаются от общераспространенных белорусских песен<sup>29</sup>. То же отмечает и литовский фольклорист относительно весенних юрьевских песен, которые в Восточной Литве «почти целиком совпадают с белорусскими песнями»<sup>30</sup>. Число подобных примеров и из других отраслей культуры можно было бы намного увеличить. Явные следы белорусского влияния обнаруживаются и в народной культуре смежных районов польской этнографической территории, особенно в Мазовше, на земле курпей, на севере Любельщины<sup>31</sup>.

Все сказанное здесь о литовцах и поляках, об их месте в этнической истории белорусов, о взаимосвязях с ними дополняет ответ на теорию

<sup>26</sup> И. И. Чертко, Лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке, Автореферат кандидатской диссертации, Минск, 1967, стр. 21, 22.

<sup>27</sup> В. Гринавецкис, Две заметки по литовской диалектологии, в кн.: «Проблемы индоевропейских языков», М., 1964, стр. 70—78.

<sup>28</sup> С. Скродянис, Указ. раб.

<sup>29</sup> Устное сообщение белорусского музыковеда Л. Н. Федорова.

<sup>30</sup> С. Скродянис, Указ. раб., стр. 12.

<sup>31</sup> См., например, St. Dworakowski, Zwyczaje rodzinne w powiecie Wysoko-Mazowieckiem, Warszawa, 1938; е го ж е, Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią, Białystok, 1964, и др.

балтийского субстрата, а также на умаление или полное отрицание роли политического, государственного фактора в формировании белорусской народности, который автор данной статьи отнюдь не считает основным и решающим, как в этом пытается убедить В. В. Седов (стр. 113). Но, между прочим, если бы В. В. Седов не отрицал роль Великого княжества Литовского в этногенезе белорусов и в усилении связей живших там народностей, то он нашел бы более правильное толкование факторам общности в культуре белорусов и литовцев, нежели его всеобъемлющее объяснение воздействием балтского субстрата. Разве древнерусское государство, единая государственная территория не способствовали сплочению восточных славян и достижению древнерусской общности?

Проблема этногенеза белорусов — очень сложная и в журнальной статье нет возможности подробно рассмотреть даже ее основные аспекты. Многие вопросы этнической истории белорусов ждут еще своего конкретного исследования. Одно ясно — теория балтийского субстрата не решает проблему этногенеза белорусов, она исторически неоправдана, уводит в сторону от подлинного исторического пути формирования белорусской народности.

#### SUMMARY

The author enters into a dispute with V. Sedov, the archaeologist who advanced the concept of a Baltic substratum as the decisive factor in the formation of the Byelorussian nationality (see «Soviet Ethnography», 1967, № 2). In refuting V. Sedov's views the author argues that it was not the Baltic tribal elements assimilated by the ancient East Slavic population that determined the ethnic characteristics of the Byelorussians. The author rejects the alleged Baltic-substratum origin of certain ethno-linguistic characteristics of the Byelorussians mentioned by V. Sedov. The ethnic characteristics of the Byelorussians, rooted in the ancient-Russian nationality, took shape in the course of the formation, ripening, and further evolution of the Byelorussian nationality during the XIV—XVI centuries, and later under the influence of various historical, social, and economic factors. The role of contacts with adjacent peoples, both East Slavic and Lithuanian, and in no lesser degree Polish, is also taken into account.

---